

Многофакторность стратегической культуры стран Центральной Азии

Айнур Эшимбековна Джоробекова^{1,2a}✉, Умеджон
Хуршедович Изатов^{3b}✉, Эдил Канатбекович
Канатбеков^{4c}✉, Валентина Вячеславовна Комлева^{5,6d}✉,
Михаил Дмитриевич Конов^{7e}✉, Кубатбек Калыевич
Рахимов^{8f}✉, Шерали Шукруллозода Ризоён^{9g}✉,
Игорь Сергеевич Савин^{10h}✉, Ранохон Юсупжановна
Турсунова¹¹ⁱ✉

¹ Дипломатическая академия МИД Кыргызской Республики имени
К.Дикамбаева, Бишкек, Кыргызстан

² Кыргызский национальный университет имени Ж.Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан

³ Кулябский государственный университет имени А.Рудаки, Куляб,
Таджикистан

⁴ Бишкекский государственный университет имени К.Карасаева,
Бишкек, Кыргызстан

⁵ Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

⁶ Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

^{7,10} Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

⁸ Общественный фонд «Аппликата – центр стратегических решений»,
Бишкек, Кыргызстан

⁹ Независимый эксперт, Душанбе, Таджикистан

¹¹ Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент,
Узбекистан

^a donzhora1967@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>

^b izatov.u@mail.ru

^c kanatbekovich.edil@gmail.com

^d komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^e konov_mihail@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8927-4742>

^f kubat.rakhimov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3756-9375>

^g sherali.rizoyon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8910-1240>

^h savigsa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>

ⁱ turrena72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу стратегической культуры стран Центральной Азии; акцентируется внимание на ее многофакторной природе. В рамках исследования рассматриваются исторические, культурные, политические и социально-экономические детерминанты, которые оказывают влияние на формирование и эволюцию стратегической культуры в регионе. Центральная Азия имеет долгую и сложную историю, включая периоды завоеваний, колониализма и независимости. Эти исторические события оказали значительное влияние на формирование национальных идентичностей и стратегических приоритетов. Страны Центральной Азии расположены на пересечении важных торговых маршрутов и имеют стратегическое значение для региональных и глобальных игроков, что определяет их интерес к обеспечению стабильности и безопасности в регионе. Экономическое развитие, социальные процессы и политические системы также влияют на стратегическую культуру. Традиционные ценности, религия и культурные нормы также играют важную роль в формировании стратегических культур. Центральная Азия находится под влиянием различных внешних факторов, включая политику соседних государств, деятельность международных организаций и глобальные тенденции. Авторы выявляют ключевые факторы, определяющие специфику стратегического мышления и поведения государств Центральной Азии в контексте международных отношений. Полученные результаты представляют собой ценный ресурс для углубленного понимания современных внешнеполитических стратегий стран региона, а также для разработки эффективных подходов к их взаимодействию на глобальном уровне.

Статья подготовлена на основе материалов научных докладов ученых, представленных на зарубежной сессии «Стратегические культуры стран Центральной Азии: факторы формирования», проведенной в рамках IX Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2025. Стратегии».

Ключевые слова: стратегическая культура, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, развитие региона, история, религия, культура, идентичность, интеграционные процессы

Для цитирования: Джоробекова А.Э., Изатов У.Х., Канатбеков Э.К., Комлева В.В., Конов М.Д., Рахимов К.К., Ризоён Ш.Ш., Савин И.С., Турсунова Р.Ю. Многофакторность стратегической культуры стран Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 26-58, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-26-58](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-26-58)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-26-58](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-26-58)

Multifactorial Nature of the Strategic Culture of Central Asian Countries

Ainur E. Dzhorobekova^{1,2a}, Umedjon Kh. Izatov^{3b}, Edil K. Kanatbekov^{4c}, Valentina V. Komleva^{5,6d}, Mikhail D. Konov^{7e}, Kubatbek K. Rakhimov^{8f}, Sherali Sh. Rizoyon^{9g}, Igor S. Savin^{10h}, Ranoxon Yu. Tursunova¹¹ⁱ

¹ Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyz Republic named after K.Dikambaev, Bishkek, Kyrgyzstan

² Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

³ Kulyab State University named after A.Rudaki, Kulyab, Tajikistan

⁴ Bishkek State University named after K.Karasaev, Bishkek, Kyrgyzstan

⁵ National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

⁶ Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

^{7,10} Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

⁸ Public Foundation "Application – Center for Strategic Solutions", Bishkek, Kyrgyzstan

⁹ Independent expert, Dushanbe, Tajikistan

¹¹ University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan

^a donzhora1967@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>

^b izatov.u@mail.ru

^c kanatbekovich.edil@gmail.com

^d komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

^e konov_mihail@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8927-4742>

^f kubat.rakhimov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3756-9375>

^g sherali.rizoyon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8910-1240>

^h savigsa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>

ⁱ turrena72@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the strategic culture of the Central Asian countries, focusing on its multifactorial nature. The study examines the historical, cultural, political, and socio-economic determinants that influence the formation and evolution of strategic culture in the region. Central Asia has a long

and complex history, including periods of conquest, colonialism, and independence. These historical events had a significant impact on the formation of national identities and strategic priorities. The Central Asian countries are located at the intersection of important trade routes and have strategic importance for regional and global players. This determines their interest in ensuring stability and security in the region, as well as economic development, social processes and political systems. Traditional values, religion and cultural norms play an important role in shaping the strategic culture of Central Asia. The region is influenced by external factors such as the policies of neighboring states, the activities of international organizations and global trends. These factors determine the specifics of strategic thinking and behavior in international relations of Central Asian states. The results obtained represent a valuable resource for in-depth understanding of the modern foreign policy strategies of countries in the region, as well as for developing effective approaches to their interaction at the global level. The article is based on materials from scientific reports presented by scientists at the international conference "Strategic cultures of Central Asian countries: factors of formation" held within the IX International Scientific and Practical Conference "Russia and the world: Dialogues – 2025: Strategies".

Keywords: strategic culture, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, regional development, history, religion, culture, identity, integration processes

For citation: Dzhorobekova A.E., Izatov U.Kh., Kanatbekov E.K., Komleva V.V., Konov M.D., Rakhimov K.K., Rizoyon Sh.Sh., Savin I.S., Tursunova R.Yu. Multifactorial Nature of the Strategic Culture of Central Asian Countries. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. No. 3(17): 26-58, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-26-58](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-26-58)

Введение

Стратегическая культура – это совокупность представлений о безопасности, внешней политике и военных действиях, которые формируются под влиянием исторических, культурных, социально-экономических и геополитических факторов. По определению академика РАН А.А.Кокошина, «стратегическая культура (СК) выражается в особом, присущем данной стране и ее народу характере поведения вооруженных сил, в способах использования военной силы. СК представляет собой совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений»¹. Эта емкая формула в наиболее полной мере отражает особенности СК. Вместе с тем в последние годы содержательное наполнение данного понятия расширяется.

В странах Центральной Азии (ЦА) стратегическая культура имеет свои особенности, которые определяются их историческим наследием, внутривосточной ситуацией, геополитическим положением и внешними влияниями. Страны ЦА обладают многослойной историей, которая оказала существенное воздействие на формирование их стратегических культур.

¹ Стратегическая культура как инструмент военно-политического анализа // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/strategicheskaya-kultura-kak-instrument-voenno-politicheskogo-analiza/>.

Влияние кочевых цивилизаций и великих империй, таких как Золотая Орда и Тимуридская империя, сыграло ключевую роль в концептуализации роли силы и военных операций в международных отношениях. Модель государственного управления всеми государственными образованиями в нашем регионе (и за его пределами) до 1920 г. основывались на структуре диванов, т.е. министерств (в том числе МИД, фискальных органов, разведки и контрразведки и др.), которые Саманиды усовершенствовали. Эти исторические периоды не только заложили основы геополитического мышления, но и сформировали устойчивые модели поведения в условиях межгосударственного взаимодействия. По мнению Т.Т.Сырдыбаева, процесс взаимобмена стратегическими культурами может осуществляться посредством религиозных синкретизмов, а также через различные формы социального и культурного взаимодействия. В результате происходит формирование новых факторов, идентичностей и направлений культурного развития, которые оказывают значительное влияние на социокультурный ландшафт региона.

Центральная Азия исторически «обречена» быть мостом-диалогом дружбы между Западом и Востоком, Севером и Югом. Несомненно, исламский фактор является объединяющим для стран ЦА – тот традиционный ислам, который исповедовали народы региона на протяжении веков. Понимание стратегической культуры стран Центральной Азии необходимо для разработки эффективной политики взаимодействия как внутри региона, так и за его пределами. Учет особенностей стратегического мышления политических элит, культурных и исторических факторов позволит более точно прогнозировать перспективы развития и позиционирования стран Центральной Азии на международной арене и находить оптимальные пути сотрудничества.

Сформированы ли стратегические культуры стран Центральной Азии? Как они проявляются во внешней политике? Что общего и особенного в стратегических культурах стран ЦА? Как взаимосвязаны ценности, национальная идентичность, менталитет народа с внешней политикой государства? Как трансформировалась прежняя советская культура внешнеполитического мышления? Интегрируются ли в стратегические культуры стран ЦА подходы Китая, Индии, ближневосточных, западных стран, распространяющиеся в ходе глобализации и межкультурных обменов? Эти и другие вопросы стали предметом обсуждения авторов данной статьи.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе материалов научных докладов ученых, представленных на зарубежной сессии «Стратегические культуры стран Центральной Азии: факторы формирования»², проведенной в городе Бишкеке в

² Зарубежная сессия IX Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2025. Стратегии» в Кыргызстане // НИИРК. URL: <https://nicrus.ru/events/zarubezhnaya-sessiya-xi-mejduнародной-naу/>.

апреле 2025 г. в рамках IX Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2025. Стратегии». Организаторами зарубежной сессии стали Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК, Россия) и Центр российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына (г. Бишкек, Кыргызстан). Авторы материалов использовали методы исторического анализа, экстраполяции, сравнения, обобщения.

Результаты исследований

Стратегическая культура как основа регионального сотрудничества (Джоробекова А.Э.)

Выработка стратегического видения и его реализация представляют собой сложный и многоэтапный процесс, в результате которого постепенно формируется стратегическая культура. Эксперты определяют стратегическую культуру как интегрированную систему символов (язык, аналогии, метафоры), которые определяют стратегические предпочтения общества, отраженные в основных принципах концепции национальной безопасности. Исходя из своих национальных интересов государства ведут соответствующую внутреннюю и внешнюю политику, определяющую их поведение на международной арене.

Концепция стратегической культуры объясняет поведение государств на международной арене с помощью широкого набора факторов, формирующих культуру (география, история, национальный характер, идеология, культура элиты и т.д.), то есть это довольно сложный конструкт.

Стратегическая культура не определяет, как именно акторы будут взаимодействовать с другими участниками в сфере безопасности, однако помогает сформировать общую картину этого взаимодействия. Концепция стратегической культуры помогает выстроить модель поведения в таких областях, как использование силовых и несиловых методов в международной политике, чувствительность к вызовам, исходящим извне, а также при формулировании самой стратегической доктрины.

Что касается стратегических культур стран Центральной Азии, то каждое государство выделяет наиболее актуальные и приоритетные аспекты своего дальнейшего политического, экономического, социального, культурного и иного развития. Исходя из этого формируется перечень задач, которые необходимо продвигать как на республиканском, так и на региональном уровне. Несмотря на отсутствие общей стратегической культуры в странах нашего региона, все же некие ростки ее уже заметны. Они выражаются в координации внутри- и внешнеполитических усилий, направленных на обеспечение стратегических интересов региона. Ярким примером внутрирегионального взаимодействия являются Консультативные встречи глав государств Центральной Азии.

Важнейшим шагом на пути построения прочного внутрирегионального партнерства стал мартовский саммит лидеров Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, который стал результатом многолетней кропотливой работы по решению пограничных вопросов.

Вопросы использования трансграничных рек, водоемов, вопросы обеспечения продовольственной безопасности, тесно связанные с обеспечением водными ресурсами и землей, на сегодняшний день занимают верхнюю строчку в приоритетах всех государств Центральной Азии. Как известно, именно эти вопросы явились «яблоком раздора» между Кыргызстаном и Таджикистаном, приведшим к двум военным конфликтам, а также нередко осложнявшим взаимоотношения между всеми тремя государствами, граничащими друг с другом в Ферганской долине.

Стратегическая культура также рассматривает культурные факторы, влияющие на стратегию государства в области безопасности и обороны. В этом отношении наши страны имеют немало общего, поскольку многовековой процесс межкультурного диалога привел к синтезу культур и сформировал общее культурно-историческое поле.

Мы, как соседи (Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан), должны понимать это и сообща выстраивать общую стратегическую культуру, которая бы могла более эффективно решать насущные вопросы государственного развития через общерегиональные диалоговые площадки принятия решений.

Одним из важных шагов, стоящих на пути региональной кооперации, является подписание в августе 2024 г. в Астане Концепции развития регионального сотрудничества «Центральная Азия – 2040». Эта и другие инициативы в рамках региона способны сблизить региональное партнерство и привести в дальнейшем к выработке общей стратегической культуры региона.

В этом плане наш круглый стол, посвященный стратегическим культурам Центральной Азии, призван дать толчок этому процессу.

Стратегическая культура: к вопросу о трактовке понятия (Комлева В.В.)

Стратегическая культура является одной из важнейших детерминант национального внешнеполитического курса. Она отображает не только внешнеполитическую традицию государства, но и историко-культурную основу осознания государством и народом своего места в мировой системе. Стратегическая культура интегрирует национальные ценности, ментальные, традиционные установки, убеждения нации во внешней политике, понимание «своих» и «чужих», «союзников» и «врагов». Поэтому знание факторов формирования стратегических культур, понимание особенностей ее проявления – условие успешных внешнеполитических коммуникаций.

Стратегическая культура формируется как результат осмысления успешных и неуспешных практик взаимодействия с другими странами и народами и определяет способы реагирования на угрозы национальной безопасности. Она проявляется во внешнеполитическом поведении, в решении вопросов войны и мира, и оформляется, как правило, в доктринальных документах государства.

Комплексный анализ внешней политики государств (проявляющих по отношению к России как дружественные, так и враждебные намерения) за последние годы демонстрирует актуализацию внешнеполитических культурных кодов, исторически сложившихся и закреплённых не только в общественном сознании, но и в коллективном бессознательном. Одним из ключевых вопросов остается и вопрос об установках, которыми руководствуются главы государств при выборе внешнеполитического курса. Это приводит к усложнению геополитических взаимодействий и требует более глубокого понимания культурных и идеологических факторов, влияющих на формирование внешней политики.

Специфика стратегических культур стран Центральной Азии обусловлена тем, что народы, проживающие в данном географическом и геополитическом пространстве, имеют многовековую историю. Но современные страны обрели свою государственность чуть более 30 лет назад. Как формировались их стратегические культуры? И сформированы ли они вообще? Этот вопрос требует глубокого научно-практического осмысления.

Влияние политической культуры на формирование внешнеполитических стратегий государств Центральной Азии (Канатбеков Э.К.)

Политическая культура – это совокупность ценностей, норм, представлений и моделей поведения, которые оказывают фундаментальное влияние на то, как государство воспринимает себя на международной арене и в международной системе, в целом; как страны выделяют свои интересы и каким образом реагируют на внешние вызовы и угрозы. Мы можем с уверенностью говорить о том, что политические культуры государств Центральной Азии во многом схожи между собой, что обусловлено общим историко-культурным прошлым, включая советское наследие и полуавторитарным характером большинства политических режимов центральноазиатских государств. Эта общность проявляется в патримониальных практиках власти, доминировании личностного фактора в политике, слабости институтов гражданского общества, ограниченности политического плюрализма и ориентированности на «сильную руку». Такие особенности политической культуры способствуют формированию политических стратегий направленных, с одной стороны на обеспечение режима безопасности и стабильности, с другой, – на балансирование между внешними центрами сил. В результате этого, государства ЦА нередко демонстрируют прагматичный и адаптивный подход к внешней политике, стремясь к многовекторности, при этом избегают жесткой зависимости от какого-

либо одного партнера. Тем самым политическая культура оказывает влияние на характер внешнеполитического дискурса.

Официальная риторика нередко апеллирует к таким категориям, как суверенитет, национальная независимость, стабильность и безопасность, что отражает внутренние установки политической элиты и ее стремление сохранить контроль над обществом. Эти установки формируют основу для восприятия внешнего мира как потенциального источника рисков, но одновременно и возможность для укрепления легитимности режима путем привлечения инвестиций, международной поддержки и признания.

Говоря о факторах политической культуры, которые влияют на формирование внешнеполитических стратегий государств ЦА, важнейшим фактором в данном регионе является наследие советского периода, оставившее глубокий след в политико-административной системе стран ЦА. Сформированные в этот период институты власти с их ярко выраженной вертикалью и централизацией управления были адаптированы к новым условиям с момента обретения странами независимости, но сохранили свою базовую архитектуру. Это наследие, по его словам, продолжает влиять на стратегическое мышление политэлит на современном этапе, где такие категории как безопасность, суверенитет, территориальная целостность занимают центральное место во внешней политике.

Например, Казахстан, сохранив основные элементы советской административной системы, последовательно проводит политику управляемой модернизации. Принятая в 1995 г. Конституция закрепила сильную президентскую вертикаль, что позволило первому президенту выстроить сбалансированную внешнюю политику. Казахстан стал первой страной региона, подписавшей соглашение о расширенном сотрудничестве с европейскими государствами, республика активно участвует в миротворческих организациях, инициативах ООН, одновременно поддерживая тесные связи с Россией, Китаем (через ОДКБ и ШОС) и западными государствами (через ЕС).

Не менее показательным примером является Таджикистан, где после завершения гражданской войны в 1997 г. была выстроена жесткая централизованная модель управления, а президент стал символом стабильности. Эта внутренняя конфигурация напрямую повлияла на внешнюю политику государства: Душанбе поддерживает тесные связи с Россией, включая военное присутствие, активно взаимодействует с Китаем (имею в виду инвестиционную политику), развивает культурные связи с Ираном, но при этом проявляет крайнюю осторожность в вопросах внутренней политики и политических реформ.

Вторым фактором отметим своеобразный синтез традиционных форм легитимности и современных государственных практик.

Кыргызстан активно развивает институты гражданского общества, парламентской культуры, в то время как в других государствах ЦА акцент делается на преемственность власти и управляемую модернизацию. Эти различия находят прямое отражение в подходах внешнеполитических стратегий – от открытой

многовекторности до осторожного баланса между ключевыми внешними игроками. Кроме того, в регионе сохраняется важность таких элементов культуры, как уважение к старшим, личная лояльность, клановые и семейные связи. Все это продолжает влиять как на внутреннюю политику, так и на восприятие внешнеполитических партнеров.

Яркой иллюстрацией трансформации политической культуры является Узбекистан, где после смены власти в 2016 г., когда президентом стал Шавкат Мирзиёев, внешняя политика была активно переориентирована в русло региональной открытости. Были урегулированы многолетние пограничные вопросы с Кыргызстаном, восстановлены нормальные дипломатические отношения с Таджикистаном, включая решение сложных вопросов водопользования. Эта трансформация отражает постепенное изменение политической культуры узбекской элиты, где прагматизм начинает преобладать над идеологическими ограничениями.

Интересен и пример Туркменистана, где сохраняется одна из самых закрытых политических систем в регионе с выраженным культом личности. Однако при новом президенте наметились осторожные изменения, которые мы замечаем на современном этапе: Ашхабад начал активнее участвовать в международных форумах, особенно по вопросам каспийского сотрудничества и транспортной логистики, что свидетельствует о прагматизме Туркменистана.

Третьим фактором обозначим ментальный образ геополитического окружения.

Политические элиты и общества России, Китая, Турции, Запада, исламского мира – это не просто партнеры, а носители различных моделей развития, поэтому внешняя политика в регионе – это не только про торговлю или безопасность, но и про выбор символических ориентиров.

Многовекторность стала характерной чертой внешней политики практически всех государств Центральноазиатского региона. Данная стратегия предполагает поддержание баланса отношений с различными центрами силы – Россией, Китаем, Западом и исламским миром. И Кыргызстан демонстрирует уникальную способность участвовать в различных интеграционных проектах и инициативах. Республика является активным членом ЕАЭС, ОДКБ, где ключевую роль играет Россия; одновременно развивается сотрудничество с Китаем в рамках инициативы «Один пояс – один путь»; при этом мы получили финансовую помощь от Евросоюза и гуманитарную поддержку Турции.

Казахстан развивает еще более сложную многовекторную стратегию: поддерживает тесные отношения с США в сфере безопасности, с Китаем – в сфере экономики, с ЕС – в вопросах модернизации «зеленой» энергетики, активно участвует в Брюссельском диалоге ЕС и Центральной Азии по развитию цифровой дипломатии, инициативе в области возобновляемой энергетики. Все это отражает сложную систему внешнеполитических приоритетов, сформированных под влиянием политической культуры.

Четвертый фактор – самое важное, что сохраняется в государствах ЦА, это роль лидеров в формировании внешнеполитической повестки. Исторически

сложилось так, что первые лица государства играют ключевую роль в определении внешнеполитического курса, что делает внешнюю политику менее институционализированной и более зависимой от личных решений лидеров.

Пример Туркменистана особенно показателен – после передачи власти первого президента второму, в 2022 г., несмотря на декларируемую преемственность, наметились определенные изменения во внешней политике. Как отмечалось выше, Ашхабад все активнее участвует в мероприятиях, которые проводятся странами СНГ, ЦА и по каспийской тематике.

Если же говорить об Узбекистане, то лидерство Шавката Мирзиёева, пришедшего к власти в 2016 г., стало катализатором внешнеполитической трансформации страны. Его личные связи, визиты в Афганистан, Таджикистан и Китай, инициатива проведения международной конференции по вопросам Афганистана в Ташкенте в 2022 г. – элементы новой политики регионального вовлечения. Узбекистан позиционирует себя как активный посредник и интегратор. Однако параллельно важно отметить, что с традиционным персонализмом в регионе набирают силу новые тенденции – молодое поколение получает образование за рубежом, оно вовлечено в глобальные культурные процессы через цифровые платформы и начинает формировать альтернативные ценности уже на современном этапе. Это создает потенциал для постепенной трансформации политической культуры в сторону большей открытости с акцентом на права человека и институциональную подотчетность.

Подводя итоги сказанного, подчеркнем, что для международных партнеров, включая наших близких соседей – Китай и Россию, понимание этой культурной матрицы является необходимым условием выстраивания эффективного диалога и устойчивого сотрудничества с государствами ЦА. Будущее региона будет определяться тем, насколько успешно страны найдут баланс между устойчивостью традиционных институтов и адаптацией к новым глобальным реалиям. В этом процессе политическая культура остается ключевым фактором, формирующим уникальный центральноазиатский путь развития.

Потенциальные сценарии дальнейшей евразийской интеграции (Рахимов К.К.)

С авторской точки зрения, могут быть рассмотрены три сценария развития отношений в рамках Евразийской интеграции³ в узком нарративе – в отношении ЕАЭС. Тот, который не состоялся, – революционный сценарий; тот, которому мы следуем, – эволюционный, и третий сценарий, который возможен, по сути, как продолжение эволюционного, – это инволюционный [7].

Революционный сценарий – это то, что было 13 лет назад, то, что упущено, это проект единого экономического пространства, где четыре страны должны были

³ ЕАЭС – Quo vadis? // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 09.06.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/eaes-quo-vadis/>.

выступить истинным локомотивом евразийской интеграции: Россия, Украина, Казахстан, Беларусь. Этот проект обсуждался на уровне рабочих групп, были определенные интересные результаты, которые показывали, что не все было так плохо и потеряно с точки зрения той же реиндустриализации, построения на совершенно новой основе кооперационных цепочек, развития авиационных и ракетных технологий, формирования мощного картеля, связанного с зерновой политикой (благодаря чему Россия, Украина и Казахстан по зерновым и масляничным культурам могли бы стать монополистами на мировом рынке). История не имеет сослагательного наклонения – революционный сценарий «не случился». Низвергшийся процесс распада СССР мы продолжаем наблюдать воочию. Возможно, все было бы по-другому, если бы мы смогли найти правильные акценты, политическую волю, ресурсы для того, чтобы революционный сценарий состоялся.

Второй сценарий – эволюционный, по которому 10 лет назад пять стран «слились» в условном единении, и с тех пор Евразийский экономический союз не растет количественно, есть только три страны-наблюдателя (Куба – далеко географически располагается, со слабой экономикой; Молдова на грани выхода; Узбекистан, который не хочет вступать в ЕАЭС, не является членом ОДКБ и уповает на два аспекта: это личная харизма господина Мирзиёева и двусторонние отношения, отстроенные Узбекистаном с конкретными странами, включая зону свободной торговли СНГ). Можно порекомендовать Узбекистану обратить внимание на опыт Кыргызстана, который получил миллиардные выигрыши от членства в ЕАЭС.

Третий сценарий – инволюционный, из-за которого автор подвергается критике, в связи с тем, что это сценарий «усыхания» при переходе от эволюционного сценария. Имеется в виду, что, возможно, будет потеряна Молдова как страна-наблюдатель, не будет приобретены Таджикистан и другие страны в качестве членов или наблюдателей, за счет фактической формализации и фиксации беспрецедентного количества санкций по отношению к России и Беларуси и отдельных исключительных элементов, таких как Бурабайский протокол⁴ (в который вступил Казахстан на своих условиях).

Есть дискуссии про Большое Евразийское партнерство, которое подразумевало включение стран «от моря до моря» с включением ЕС, стран АСЕАН, – красивая, но мертвая концепция.

Важно сконцентрироваться на построении евразийского партнерства на базе ШОС. Именно Шанхайская организация сотрудничества требует на данный момент перезагрузки, что позволит решить множество вопросов – например, вопросы гидрополитики, которые не могут быть решены в рамках СНГ, ЕАЭС или ОДГ и других структур и союзов, так как происходит «выпадение» отдельных стран и инструментов. Именно в рамках разработки водной доктрины ШОС могут быть решены до 80%

⁴ Минэкономики: О правомерности осуществления КР учетного контроля при импорте товаров из РК // Министерство экономики и коммерции Кыргызской Республики. URL: <https://mineconom.gov.kg/ru/post/6187>.

проблем в регионе. При этом ШОС недобюрократизирован, что показывает слабость аппарата этой организации.

Задача ЕАЭС – удержаться в эволюционном сценарии, не рассчитывая на революционный и не впадая в инволюцию.

Стратегическая культура в Центральной Азии: грань между реальностью и иллюзией (Ризоён Ш.Ш.)

Центральная Азия обладает уникальной стратегической культурой и имеет свои рецепты и ответы на многие проблемы и вызовы, с которыми сталкивается современный мир. Поскольку человечество испокон веков не изменилось и во всех этапах наблюдаются схожие проблемы, а цикличность международных отношений в разных вариациях повторяется и сегодня. В этом ключе можно рефлексировать о существующих рецептах и стратегиях, которые можно использовать во внешней политике.

Использование этих стратегий невозможно без понимания всего культурного наследия региона. Сегодня существуют два подхода: одни утверждают, что государственные образования появились в ЦА недавно и рассматривают стратегическую культуру в этом смысле. Другие, основываясь на письменных источниках, утверждают, что народы нашего региона имеют длительную историю проживания в условиях государственных образований. Поэтому, основываясь на одном из этих двух видений, можно прийти к разным результатам. Принимая во внимание это обстоятельство, целесообразно рассмотреть практические примеры, которые наблюдаются в научных исследованиях государств региона, а также в научно-аналитических публикациях зарубежных стран о ЦА.

Исторически ЦА была перекрестком между Востоком и Западом, Севером и Югом. Этому утверждению есть много фактических подтверждений. Расцвет и закат ЦА многие исследователи связывают с Великим шелковым путем. Открытие новых морских путей снизило актуальность региона для мировой торговли, и с XVI в. ЦА перешла в статус периферии международных политических и экономических процессов. В современном мире постепенно ЦА вновь становится активным участником проектов, которые внешние акторы предлагают для региона. Поэтому можно утверждать, что ЦА возрождает свой статус «перекрестка» в трансрегиональных отношениях.

Источники стратегической культуры в ЦА основаны в первую очередь на исторической памяти. Можно выделить три ключевых аспекта.

Во-первых, опыт и наследие прежних государств на территории региона. ЦА была местом, где в свое время появились успешные государства и империи. Опыт и наследие, сформированные этими государствами, сегодня выступает серьезным источником для понимания геополитики ЦА, какую роль играл наш регион в прошлом и как можно это воссоздать.

Во-вторых, персидско-тюркское начало в истории и современности региона. Если говорить об основах стратегической культуры и выделять удачные примеры регионального симбиоза, то персидско-тюркское начало выходит на первый план как в прошлом, так и в настоящем в ЦА. Поскольку государственность, построение национальной государственности, определение ее контуров в нашем регионе опираются на это историческое наследие. Так, можно рефлексировать о двух успешных примерах консолидации региона:

- Согдийско-тюркские связи в политике, торговле и культуре в период правления Тюркского каганата [17];

- Персидско-тюркское двуязычие и литературные связи, которые начинаются с эпохи династии Караханидов в конце X – начале XI в. [14].

В-третьих, исламский фактор. Абсолютное большинство жителей всех пяти стран региона принадлежат к единому мазхабу суннизма, т.е. ханафитскому мазхабу школы Матуриды. Существуют консолидирующие элементы в виде накшбандийского тариката суфизма, общих книг, общих религиозных святынь, общих религиозных практик и т.д., т.е. общее религиозно-мировоззренческое пространство.

Все это подчеркивает, что, независимо от того, как мы воспринимаем сегодня регион, невозможно его отделить от общего исторического и культурно-политического контекста.

Переходя к анализу современной ситуации, следует выявить, на чем сегодня основывается стратегическая культура стран ЦА. Ее можно рассматривать в трех ключевых измерениях.

Во-первых, двустороннее сотрудничество: стратегическое партнерство и союзничество. За последние несколько лет страны региона предприняли шаги по установлению стратегического партнерства и союзничества друг с другом. Например, Таджикистан подписал документы о стратегическом партнерстве с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, а также договор о союзничестве с Казахстаном и Узбекистаном. Есть надежда, что в ближайшем будущем такой документ будет подписан между Душанбе и Бишкеком, поскольку обе страны урегулировали пограничный вопрос. Узбекистан и Казахстан активно развивают стратегическое партнерство и союзничество, подписав соответствующие соглашения с другими государствами ЦА. В двусторонних отношениях между странами региона наблюдается очень серьезный прорыв.

Во-вторых, внутрирегиональное сотрудничество: усилия и шаги на пути к кооперации. С 2018 г. мы стали свидетелями принятия серьезных мер и шагов в направлении региональной кооперации. Сегодня в этом плане сделано очень много, кроме консультативных встреч глав государств региона запущены другие форматы: это встречи министров иностранных дел, секретарей совета безопасности, министров транспорта, министров культуры, форумы ректоров университетов, ученых и исследователей. За последние годы в пятистороннем формате проведено много мероприятий (конференций, форумов и т.д.). Надеемся, что в сентябре 2025 г. на очередной Консультативной встрече, которая пройдет

в Ташкенте, будет сделан еще один шаг к укреплению внутрирегионального сотрудничества.

В-третьих, трансрегиональное сотрудничество: стратегия внешних держав и ее последствия для ЦА. Примером такого сотрудничества является формат «5+1», в который в настоящее время входят 10 государств и объединений, с одной стороны, и страны ЦА – с другой. В 2004 г. Япония стала первой страной, запустившей формат многостороннего сотрудничества с государствами ЦА. Впоследствии этот формат использовали Евросоюз и Южная Корея (2007), США (2015), Индия (2018), Италия (2019), Россия и Китай (2020), арабские государства Персидского залива (2022) и Германия (2023) [4]. На сегодняшний день в рамках данного формата состоялись саммиты глав государств с Китаем (25.01.2022 в режиме видеоконференции и 19.05.2023 в Сиане), Индией (27.01.2022 в режиме видеоконференции), Россией (14.10.2022 в Астане), Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (19.07.2023 в Джидде), США (19.09.2023 в Нью-Йорке), Германией (29.09.2023 в Берлине), Европейским союзом (04.04.2025 в Самарканде). Ожидается, что в ближайшее время в рамках данного формата пройдут саммиты глав государств с Японией и Италией, которые были отложены из-за событий, произошедших в этих странах. Можно смело предположить, что взаимодействие государств ЦА с вышеперечисленными странами и регионами имеет свою арифметическую составляющую, специфику и динамику развития, а также геополитические последствия.

Таким образом, эти три ключевых измерения показывают геополитическую особенность и траекторию будущего развития ЦА.

Что на сегодняшний день является стратегической культурой Центральной Азии? На основе изучения практических подходов стран ЦА и их поведения в нынешних международных отношениях можно говорить о триаде, которая отражает суть стратегической культуры региона.

Во-первых, многовекторная политика, которая прежде всего направлена на соблюдение стратегического баланса. Мы понимаем, что за последние 100–200 лет появились традиционные страны, имеющие постоянные интересы в ЦА, и есть новые игроки, которые в последнее время актуализировали свое внимание к региону и намерены развивать отношения. Осуществление многовекторной политики и соблюдение стратегического баланса минимизируют всевозможные вызовы и риски для безопасности и стабильности, особенно для внешней политики стран ЦА. А также формируют ряд новых окон возможностей, которые страны могут использовать в интересах своих национальных экономик.

Во-вторых, нейтралитет ко всем процессам, происходящим в мировой политике. Все страны региона соблюдают нейтралитет в оценке международной обстановки, не поддерживая ни одну из сторон конфликта. При этом руководители государств ЦА призывают к поддержанию мира и решению проблем дипломатическим путем. Поскольку именно нейтралитет или сохранение стратегического молчания предоставляет региону возможность минимизировать риски и угрозы и способствует созданию новых потенциальных возможностей.

В-третьих, подход «пережить шторм» (сохранение стратегической осторожности в региональных и трансрегиональных отношениях, в целом в современных международных отношениях) также минимизирует вызовы и риски и создает новые возможности.

Комплексный подход стран региона направлен на то, чтобы ЦА вновь стала «перекрестком» между Востоком и Западом, Севером и Югом, а также на создание условий и возможностей для предотвращения попадания региона в стратегический тупик. Избежание состояния стратегического тупика и возрождение позиции «перекрестка» между всеми окружающими странами и регионами отражают существующую стратегическую культуру Центральной Азии.

Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее (культурный аспект) (Турсунова Р.Ю.)

В последнее время мы часто слышим об акцентированном внимании к региону Центральной Азии. Для Узбекистана это внимание связано с приходом к власти нового Президента Шавката Миромоновича Мирзиёева. В 2016 г. он принял присягу и в сентябре 2017 г. выступил на заседании 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с докладом, включавшим множество инициатив. В докладе Ш.М.Мирзиёев подчеркнул, что «главным приоритетом своей внешней политики Узбекистан сегодня определяет регион Центральной Азии. И это – осознанный выбор»⁵. Выстраивание добрососедских дружеских отношений с ближайшими странами должно быть в приоритете. На сегодняшний момент прошло уже много времени, и эта линия выстроена – про нашу страну говорят: «Узбекистан открылся миру, а мир для себя открывает Узбекистан»⁶. Тогда же, в 2017 г., Президент выступил с инициативой консультативной встречи в рамках пяти наших центральноазиатских стран. И с 2018 г. такие встречи стартовали, а до этого была проведена международная конференция высокого уровня «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», которая состоялась 10–11 ноября 2017 г. в Самарканде по инициативе Президента Республики Узбекистан и под эгидой ООН.

Все наши постсоветские республики вступили в XXI в. с собственными представлениями о национальной идее и построении национального государства. В этой связи в культурном контексте нужно говорить не столько о возрождении, сколько о преемственности национального строительства в историческом аспекте.

⁵ Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Президент Республики Узбекистан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1063>.

⁶ Делегация Белорусского государственного университета во главе с ректором Андреем Королем находится в Узбекистане с официальным визитом // Sputnik Узбекистан. URL: <https://ok.ru/sputnikuzbekistan/topic/153616317447150>; Шедевры Узбекистана, покорившие мир // Генеральное консульство Республики Узбекистан в городе Актау. URL: <https://uzconsulate-akta.kz/2023/>; Узбекистан – миролюбивое и справедливое государство, открывающееся миру // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/07/ambassadors/> и др.

Наши народы сегодня объединены общей историей, культурой. И роль Центральной Азии в современных международных отношениях все более возрастает благодаря ее важному геостратегическому экономическому положению.

После обретения независимости в Республике Казахстан появилась возможность для возрождения многих традиций казахского народа, а также обновления образования с учетом национальных тенденций в единстве с мировой культурой, достижениями других народов. Одной из исторических данностей казахского народа принято считать родоплеменную структуру, в которой три казахских жуза – Улы жуз («Старший»), Орта жуз («Средний») и Киши жуз («Младший») – образуют костяк современного казахского народа. В идеологическом плане акцент был сделан на историко-культурный проект «Мәңгілік ел»⁷, который должен обеспечить духовную преемственность и самоидентификацию поколений на основе национальной идеи. Анализируя историко-культурное наследие Казахстана, необходимо подчеркнуть, что развитие культуры и культурного потенциала страны входит в число приоритетов внутренней политики Республики. Ключевая составляющая культурной политики – это ценностные ориентации, духовно-нравственное воспитание и сохранение и обогащение национального наследия и достижений мирового уровня.

Кыргызская Республика тоже проводит собственную государственную культурную политику, направленную на развитие и укрепление государственного суверенитета и единства народа. В Республике продолжают сохраняться элементы традиционного общества. Это родоплеменные структуры в виде двух групп племен: он канат (правое крыло) и сол канат (левое крыло), – именно они составляют основу современного кыргызского народа.

Современная национальная политика направлена на создание реальных условий и надежных гарантий для свободного развития всех граждан, обеспечение культурного и духовного развития каждого этноса⁸.

В Республике Таджикистан после обретения независимости сложилась непростая обстановка и усилилась тенденция к сепаратизму, что привело к затяжной гражданской войне. Из всех центральноазиатских республик только Таджикистан находился в этот период в состоянии гражданской войны, что отразилось на экономической, социальной и культурной сферах жизни общества. После того как в стране установился мир, правительством Республики был взят курс на защиту духовной сферы страны, опирающейся на древнюю историю, самобытную культуру, своеобразные традиции, обычаи, а также оно предприняло меры для пробуждения самосознания таджикского народа.

Республика Туркменистан сегодня несколько закрыта, но у нее тоже есть своя внутренняя политика и мощный импульс, который стимулирует процесс восстановления самобытной, богатой культуры туркменского народа. В

⁷ «Мәңгілік ел» – символ единства // Qazaqstan Tarihy. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/3760>.

⁸ Национальная стратегия Развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы. URL: https://adam.kg/media/uploads/2021/05/18/natsionalnaya_strategiya_razvitiya_kyrgyzskoy_respubliki_na_2018_2040_gody.pdf.

Туркменистане, не будем забывать, находятся древнейшие исторические памятники – очаги обитания человека и материальные свидетельства высокоразвитой культуры⁹. Духовное возрождение туркменского народа является приоритетным направлением внутренней политики страны, о чем говорит положение [16], на котором основывается государственное регулирование общественной жизни страны.

В нашей стране, в Республике Узбекистан, как указывает Президент, в духовной сфере важнейшей и актуальной задачей является, прежде всего, воспитание свободно мыслящей, обладающей современными знаниями и профессиями молодежи в духе уважения к общечеловеческим ценностям. Действительно, мы сегодня стали все больше отходить от понимания, что у нас есть своя идентичность. Но совсем недавно в нашей стране чиновники выступили с инициативой по пятницам носить национальную одежду или хотя бы ее элементы и сами стали показывать пример. Я тоже поддержала эту инициативу, специально поехала на старинный знаменитый базар Чорсу и приобрела там элементы национальной одежды. Сегодня национальную одежду по пятницам (и не только) в Узбекистане носят все, независимо от того, узбек или не узбек, при чем в Республике более 130 наций и национальностей; эту волну подхватили на добровольной основе.

Безусловно, в Узбекистане есть проблемы. Например, в Ташкенте половина молодежи одета по-европейски, другая половина – по-арабски. Присутствует религиозный радикализм. Мы работаем над тем, чтобы женщины были открыты, свободны во внешнем виде, но они закрываются, и не просто закрываются, а облачаются в черную одежду. Для нашего региона черный цвет – это проблематично, так как с изменением климата температура воздуха с каждым годом становится все выше. Поэтому сегодня слишком сильно закрытая черная одежда женщины говорит о том, что это дорога назад. Радикализм, который связан с духовной составляющей, сегодня взят на заметку государства – приняты нормативные акты и реализуется концепция, которая регулирует ношение той же религиозной одежды¹⁰.

В Центральной Азии каждая страна – это маленькая модель всего региона. Именно культурный диалог между нашими республиками может стать основой интеграции. В политической сфере у нас все равно будут какие-то разногласия, в экономическом плане мы тоже не сможем резко, с завтрашнего дня интегрироваться. Но если мы возьмем культурный аспект, то здесь, кажется, никаких проблем и барьеров не будет.

Когда наши страны только обрели независимость, в первом десятилетии вышли интересные работы первых президентов, которые были посвящены истории наших стран. В Узбекистане в 1997 г. вышла работа первого президента «Узбекистан

⁹ Объекты Всемирного наследия в Туркменистане // Туркменистан. Золотой век. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/index.php/ru/post/18551/obekty-vsemirnogo-naslediya-v-turkmenistane>.

¹⁰ Изменения в законодательстве и религиозные течения в современной Узбекстанской культуре // KAZAKHSTAN.2.0. URL: <https://kz-expert.info/novosti/item/175362-uzbekistan-mezhdu-tradiciei-i-sovremennostyu-ogranicheniya-na-religioznuyu-odezhdu>.

на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса» [6], где присутствовал культурный аспект. В 1999 г. вышла работа первого президента Казахстана «В потоке истории» [9]. В 2000 г. была опубликована книга президента Таджикистана «Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов» [13]. В 2003 г. вышла книга первого президента Кыргызстана «История, прошедшая через мое сердце» [1]. В 2002 г. вышла книга Сапармурада Ниязова «Рухнама» [10], которая была на тот момент фундаментальной. Сегодня времена изменились, но эту книгу все помнят, каждое слово в ней пропитано патриотизмом.

Рассматривая вопросы исторического наследия как основы нашей современной государственности, мы видим, что все пять республик обратились к истории. В Узбекистане – это государство Амира Тимура Тимуриды, в Туркменистане – это обращение к наследию Агус Хану для консолидации туркменского народа, в Таджикистане – к наследию Исмаила Самани и эпохи Саманида как основы государственности, в Казахстане – обращение к истории правления Тулки Хана для преодоления разногласий между жузами, а в Кыргызстане – понимание «Кыргызстан – наш общий дом» и обращение к эпосу «Манас». Подчеркну, что основу нашего общего прошлого составляет Великий шелковый путь, который сегодня получает новый импульс и уже как туристический маршрут объединяет эти страны. С учетом того, что Узбекистан сегодня стал более открытым (решен вопрос с авиаперелетами в Таджикистан – появились авиарейсы в Душанбе), представляется, что не просто настало время, а нужно продвигать туристическое направление, сделать его более активным по дорогам Великого шелкового пути.

Мы имеем общий этнокультурный компонент – это тюркская и иранская основы нашей общности. Сегодня во все странах Центральной Азии основная религия – ислам, но хотя мы не забываем, что у нас есть представители других конфессий, политика толерантности тоже свойственна для каждого из соседей. Безусловно, нас объединяют периоды истории – завоевания Чингисхана, Амира Тимура, Царской России. Сегодня у стран Центральной Азии есть общие точки соприкосновения, которые нужно усиливать, – это языковое родство. Тюркские языки преобладают, хотя есть исключение – таджикские языки, входящие в иранскую группу языков. Общее наследие – музыкальное, танцевальное, кулинарное. У нас становятся культовыми блюда наших соседей, открываются кафе с элементами таджикской, казахской, кыргызской и туркменской кухни. У нас много общих праздников, помимо Навруза, например, 9 мая, (в Узбекистане он называется «День памяти и почести», но смысловая нагрузка не отменена, это День Победы). Переплетение традиций, фольклора взаимно обогащает культуры наших стран.

Но вместе с тем мы не должны забывать про те вызовы, которые сегодня актуализированы в современном мире, и вызовы именно в культурной плоскости – это глобализация, влияние массовой культуры. Мы рискуем раствориться. Например, мною проведен эксперимент со студентами, в котором предлагалось сделать выбор

между национальной и неузбекской едой, важно отметить, что современная молодежь предпочитает иностранную еду.

Глобализация влияет не только на внешний вид или питание, следствием ее является урбанизация – мы предпочитаем современные дома (евродом, евроремонт, евростандарт и т.п.). Тот, кто приезжает сегодня в Ташкент, говорит: «Вы уже становитесь похожи на Дубай». Национальные этнодома можно увидеть только во внутренних регионах государств. Важно, конечно, сохранить эту особенность (этнические дома).

Недостаточно внимания уделяется сохранению нематериального наследия. Принят закон, охраняются памятники культуры, но при этом мы постоянно слышим, что из-за строительства разрушен тот или иной исторический памятник или древняя мечеть где-то в регионе. Это вызовы и проблемы, которые нужно своевременно решать.

Оценивая перспективы интеграции стран Центральной Азии в культурном аспекте, думается, что мы никогда не забудем, что живем и делим общий регион, независимо от того, сколько населения в той или иной стране. У нас существуют межгосударственные программы, количество которых нужно увеличивать, и связи, которые надо поддерживать и развивать.

Отдельным вопросом стоит образовательная программа. К сожалению, сегодня наши студенты предпочитают ехать в отдаленные страны, в связи с чем назрела потребность активнее сотрудничать в сфере академического обмена.

К сожалению, в этом году страны региона будут отмечать 34 года независимости, но у нас нет совместного учебника по истории Центральной Азии. В прошлом году Казахстан проводил мероприятие, где этот вопрос обсуждался. Актуализировалась необходимость разработать проект учебника «Новейшая история Центральной Азии» или просто «История Центральной Азии».

На сегодняшний момент у стран ЦА действительно общее будущее, а для этого нам нужно стабильно развиваться, обеспечивать устойчивое развитие региона, сотрудничать, стремиться к взаимодействию, осознавать общую ответственность за все страны, за будущее нашего региона. Мы его делить никак не можем – это наше будущее.

Роль России, Китая и США в трансформации стратегической культуры государств Центральной Азии (Изатов У.Х.)

Данная тема приобретает особую актуальность в контексте усилившейся конкуренции великих держав и растущей субъективности государств региона. В международном отношении стратегическая культура рассматривается как системы исторические, сложившие в нормы восприятие угрозы и модели его поведения присущие внешней и оборонной политике государства.

После распада СССР государства Центральной Азии столкнулись с необходимостью переосмысления своей внешнеполитической идентичности

и направленности стратегической культуры. Эти изменения не происходили в изоляции, а были тесно связаны с вовлечением внешних акторов, прежде всего России, Китая и США. Каждый из них по-своему влиял и влияет на формирование новой модели стратегического поведения в регионе. Цель данного доклада – проанализировать, как геополитические присутствия этих трех держав влияли на трансформацию стратегической культуры стран Центральной Азии в условиях постсоветской трансформации, региональных конфликтов и глобальной конкуренции.

Термин «стратегическая культура» был определен в научной дискуссии в 1970-х гг. и обозначен как совокупность исторически сложившихся традиций, норм, институтов и установок, определяющих то, как государство воспринимает угрозы и формирует свою внешнеполитическую и оборонную стратегию.

Для стран Центральной Азии, освободившихся от советской модели, стратегическая культура стала ареной для переосмысленной идентичности автономии и модели выживания между конкурентными геополитическими позициями России, Китая и США. Россия при этом обладает историческим наследием, где советское влияние продолжает играть ключевую роль в формировании стратегической культуры данного региона.

Так, основным инструментом воздействия можно считать военное присутствие, например, 201-й российской дивизии в Таджикистане и других странах Центральной Азии. К другим могут быть отнесены: участие в ОДКБ как платформе коллективной безопасности, «мягкая сила» через СМИ, образование, русскоязычные культурные процессы. Россия активно продвигает модель постсоветского суверенитета, где безопасность и развитие региона рассматриваются через призму евразийской интеграции при противодействии западным влияниям.

Вторая модель – Китая – основана не на прямом военно-политическом влиянии, а на инфраструктурных инвестициях и кредитовании. К примеру, Таджикистан получает 70% всех китайских кредитов в рамках ШОС. Другой пример – экономическая дипломатия в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Третий – формирование культурного доверия через образование гуманитарного сотрудничества. В стратегическом плане Пекин продвигает модель прагматического, но долгосрочного сближения с центральноазиатскими элитами, что, в свою очередь, меняет восприятие угроз и партнерства в политической культуре этих государств.

Стратегия США в регионе сосредоточилась на следующих направлениях: первое – это программа «Партнерство ради мира» (через НАТО), второе – поддержка демократических институтов гражданского общества; третье – присутствие в сфере безопасности, проведение антитеррористических операций, пограничного контроля. США рассматривают страны Центральной Азии не просто как объект влияния, а как потенциального участника глобальной либеральной системы. Это влияет на стратегическую культуру региона, особенно в плане восприятия понятий суверенитета, прав человека и многостороннего сотрудничества.

В условиях конкуренции моделей (России, Китая, США) и необходимости принятия решения региональными элитами центральноазиатские государства демонстрируют адаптивную стратегическую культуру, выбирая элементы из моделей всех трех держав в зависимости от собственных интересов. К примеру, Казахстан использует многовекторную политику, Таджикистан – сбалансированного влияния, тогда как Узбекистан и Туркменистан придерживаются модели контролируемой изоляции. Добавим, что Таджикистан активно интегрирован в проекты как России, так и КНР и одновременно развивает диалог с США и ЕС.

Можно сказать, что роль России, Китая и США в трансформации стратегической культуры стран Центральной Азии не ограничивается военными или экономическими инструментами. Это влияние носит глубокий цивилизационный и институциональный характер, отражаясь в выборах союзов, проявляясь в вопросах и модели политической субъективности. Будущее покажет, насколько эти страны способствуют синтезу внешних влияний на собственную стратегическую парадигму центральноазиатских стран.

Мировоззренческие паттерны в стратегической культуре стран Центральной Азии (Савин И.С.)

Говоря о стратегической культуре, все очень верно подчеркивали не только материалы публичной политики, но также некие мировоззренческие паттерны, «ментальности» – это умолчание, это «то, что понимается без слов», некие невербальные практики. И это не может не учитывать ни один публичный политический деятель ни в одной из стран. Соответственно, такие же паттерны есть и в центральноазиатском дискурсе, как есть они и в российском. В чем-то эти особенности ментальности и особенности политической культуры, стратегической, общи для Центральной Азии и России, в чем-то они противостоят, в чем-то конкурируют. Это совершенно нормально, потому что не существует тотальной стратегической культуры, которая бы абсолютно монолитно охватывала бы некий круг явлений, которые мы описываем как кыргызская стратегическая культура, казахская, российская. В любом дискурсе есть противодискурс, контрдискурс, есть люди, которые не согласны с генеральной линией, и люди, которые видят это.

Это есть некая внутренняя противоречивость, и мы не можем не понимать, что она служит диверсификации риторики. Политики должны произносить слова и тексты, которые интересны не отдельным группам населения, а жителям всей страны в целом, как это понимается и как это формулируется политиками. И в эти тексты должны быть включены совершенно разные, иногда противоречащие друг другу высказывания, адресованные разным группам граждан. Но все из нас прекрасно понимают, что представление политиков о собственной стране и других странах формируется во многом благодаря экспертным исследованиям. Именно благодаря им в политическую риторику лидеров попадают те нужные

акценты, те нужные моменты социопсихологической общности, те нужные факты исторического характера, которые звучат в этих речах, – но добываются они именно в социально-гуманитарных исследованиях, которые проходят во всех наших странах.

Причем исследования имеют давнюю традицию дискурса – идеологического, исторического, гуманитарного дискурса, где главной целью всех работ в позднесоветский период было сохранение внутреннего единства советского народа, в том числе в центральноазиатских республиках. Внутренне единство Советского Союза применительно к населению собственных республик, укрепление чувства гражданства, сопричастности, – на это работали исследователи того периода. В 1990-е гг. – начале 2000-х гг. появилось естественное желание как-то обосновать причины распада СССР и образования самостоятельных государств, и поэтому совершенно естественно усилилась роль поисков особенности, инаковости, непохожести, уникальности, отдельности, свержения всех прежних догм, в том числе исторических, социокультурных, делания большего акцента на насильственном характере образования Советского Союза, на его невыгодности или выгоды для различных сторон.

Нужно отметить, что в каждой из центральноазиатских стран существует несколько потоков стратегий, которые говорят о многовекторности, что представлено и в исследованиях. Некоторые коллеги тяготеют больше к стратегиям, выработанным в западных университетах, западных центрах. Ученые с российским бэкграундом тяготеют более к развиваемому постсоветскому дискурсу в видении роли центральноазиатской интеграции. В этом нет ничего трагического, зачастую это вызовы эвристического познавательного характера, потому что мы должны объединять в рамках единого нарратива противоречия жестокости советского и досоветского периодов, необходимость выстраивать добрососедские отношения сегодня и сейчас.

Невольно выступлю оппонентом коллеги из Таджикистана по поводу того, что, к сожалению, принадлежность к единым конфессиям не всегда выступала гарантией единства, потому что даже накануне боевых действий русской армии в регионе ощущение общей угрозы не сплотило носителей единого ханафитского мазхаба. Одни роды (ханы, военачальники) воевали с другими, даже если им приходилось становиться под знамена русских войск. Это их не смущало, потому что для них это были условности, а главным было достижение своих целей. Но тогда другое было формирование коллективного сознания, тогда общие ценности глобального характера, как общая идеология, отступали на второй план, выдвигая на первую полосу интересы «своих» – непосредственно своего близкого окружения, своего социалитета и т.п.

Но это не означает, что у религиозного прошлого нет никакого потенциала. Как мы видим сейчас, сегодня наши страны, которые, казалось бы, начали расходиться далеко друг от друга, постепенно почувствовали необходимость интеграционных проектов. Причем это тоже процесс противоречивый.

Процесс любого обретения социального знания и процесс формирования стратегической культуры – это процессы противоречивые, они не всегда осознаются даже непосредственными их участниками. Говоря о трансформации стратегии в социальных исследованиях в наших странах за последние годы, можно сказать, что, к счастью, изменения не привели к отсутствию совместных исследований и совместных действий.

Никто из центральноазиатских партнеров России не отказался по идеологическим причинам от продолжения исследований, прекрасно понимая, что то, что происходит сейчас, – это трагический момент, а стратегическое соседство, на которое мы все «обречены», заставляет нас действовать более сдержанно и рассматривать сегодняшние события не только как судьбоносные и ключевые, но и как одну из вех в долгом ряду различного рода событий нашей многовековой истории, многовекового нашего соседства.

Именно поэтому считаю, что стратегическая культура стран Центральной Азии и России, рассматриваемая сквозь призму социологических или исторических исследований, заключается в том, что многовекторность большинства стран региона совершенно не означает разбросанности, у них сохраняется вполне аналитическое понимание приоритетов. Разнонаправленное партнерство – вполне жизнеспособная стратегия, которая вызывает недоумение у отдельных международных партнеров, которые хотели бы более определенной позиции, но они не могут не понимать, что большая определенность будет означать риски для тех или иных стран.

То же самое в исследованиях; мы сосредоточиваем свое внимание на выявлении того общего, что позволит нам развивать и усиливать наши связи в будущем, потому что как бы ни легла политическая конъюнктура, какой бы ни стала геополитическая раскладка, тысячекилометровую сухопутную границу между Казахстаном и Россией это не изменит, никуда не денется ни соседство Китая, никуда не исчезнет территориальная близость Ирана и Афганистана до Центральной Азии.

Мы не можем не понимать, что здесь никаких глобальных трансформаций нам ждать не приходится. Это, как я понимаю, прекрасно чувствуют и понимают, как мои коллеги-эксперты, и, видимо, не без их участия в центральноазиатской политике, потому что риторика объединения и интеграции очень редко сопровождается какой-то устойчивой антироссийской риторикой.

Торговые отношения Российской Федерации и Кыргызской Республики в условиях геополитической трансформации (Конов М.Д.)

Ряд ученых отмечает, что на формирование стратегических культур оказывает влияние экономическое сотрудничество в рамках интеграционных объединений. Евразийский экономический союз, членами которого являются как

Российская Федерация, так и Кыргызская Республика, считается уникальным в регионе экономическим интеграционным объединением, представляющим единую таможенную зону с преференциями экономического союза для стран-участниц. На сегодняшний день в рамках союза ведется активная работа над устранением торговых барьеров для обеспечения свободного движения товаров в рамках этого объединения¹¹.

За последние пять лет мировое сообщество наблюдает фундаментальные сдвиги в трансграничном движении труда, капитала и товаров, а также их динамике. В первую очередь на это повлияла пандемия COVID-19. Если в 2019 г. импорт энергоресурсов (группа товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС № 27¹²) составил 538,6 млн долларов США, то в 2020 – 438,5 млн долларов США, сократившись на 100 млн долларов. Эта товарная группа является основной по импорту Кыргызстана из России. Особо здесь следует выделить последующий рост в 2022 г. до отметки в 887,2 млн долларов США¹³.

В этой товарной группе выделяются две основные позиции: № 2710, куда относятся нефть и нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, и № 2711, куда относятся нефтяные газы и газообразные углеводороды. Первая из этих позиций продемонстрировала пиковое значение в 2022 г. на отметке в 810,9 млн долларов США¹⁴. Это говорит о том, что между 2020 и 2022 г. показатели увеличились примерно в два раза. Там не менее в следующем 2023 г. общие показатели импорта энергоресурсов по товарной группе № 27 сократились до 730 млн долларов США¹⁵.

Другим проявлением экономической трансформации является геополитическая напряженность, которая выражена в такой ее форме как санкционное давление, представленной со стороны стран Европейского союза (ЕС) и США. В этой связи торговые отношения значительным образом изменились также и для стран Центральной Азии. В частности, те товары, которые перестали ввозиться в Россию напрямую, стали ввозиться через третьи страны. И в этом смысле Кыргызстан, являясь членом ЕАЭС, значительным образом интенсифицировал реэкспорт в Россию¹⁶.

В первую очередь экспорт в Россию за 2022 г. показал пиковые значения по сравнению не только с 2020, но и с 2021 г., как отмечено на рисунке ниже.

11 Руслан Давыдов: «Единство таможенного регулирования является условием обеспечения свободного движения товаров в ЕАЭС» // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/ruslan-davydov-edinstvo-tamozhennogo-regulirovaniya-yavlyaetsya-usloviem-obespecheniya-svobodnogo-dv/>.

12 Группа 27 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/ett/ru.27_2022_10.10.2022.pdf.

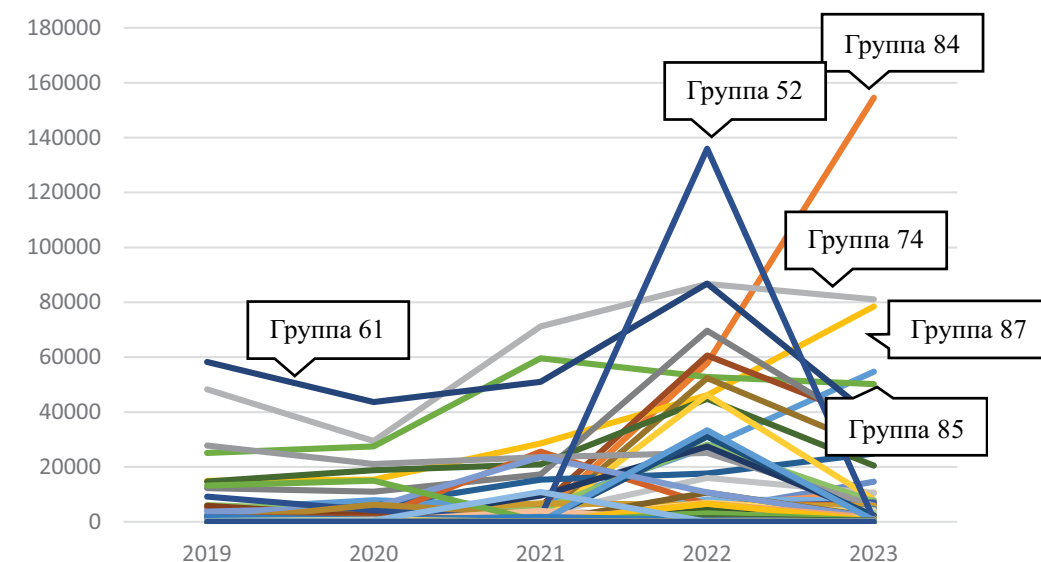
13 Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

14 Там же.

15 Там же.

16 Кыргызстан не снизил реэкспорт в Россию. Почему? Мнение эксперта // ИА «24.kg». URL: https://24.kg/ekonomika/295542_kyrgyzstan_nesnizil_reeksport_vrossiyu_pochemu_mnenie_eksperta/.

Рисунок. Экспорт в Россию, тыс. долларов США
Figure. Export to Russia, Thousands of US Dollars

Источник: Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation. Trade Map¹⁷

Source: Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation. Trade Map¹⁷

Резкий рост экспорта с кыргызской стороны может быть не только результатом возникшей геополитической напряженности, но также и результатом накопленного спроса за пандемийный период. Так, особо выделяются такие товарные группы, как № 52 (хлопок), № 74 (медь и изделия из нее), а также № 61 (предметы одежды). Разумеется, что для России текстильная промышленность не является критической, то есть не имеющей возможности быть произведенной в рамках национальных текстильных производств или в рамках производств иных государств как Беларусь, поэтому резкий рост экспорта по данным товарным группам может быть результатом накопленного спроса со стороны России и, соответственно, накопленного предложения со стороны Кыргызстана.

Итоги следующего года показали сокращение экспорта приблизительно до показателей предыдущих лет, сделав значения 2022 г. пиковыми. Однако, данные по некоторым товарным позициям продолжили расти. Здесь особо выделяются такие товарные группы, как №№ 84, 85 и 87.

В случае товарной группы № 84 ключевыми позициями, демонстрирующими рост, стали: машины посудомоечные, оборудование для мойки или сушки, заполнения

17 Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

и закупоривания бутылок; турбореактивные двигатели, газовые турбины; печатные машины¹⁸, показав рост до 154,5 млн долларов США в 2023 г.¹⁹

Товарная группа № 85 продемонстрировала общий рост до 54,7 млн долларов США²⁰ со следующими экспортируемыми позициями: интегральные электронные схемы; электрические трансформаторы, статические электрические преобразователи; телефонные аппараты, включая смартфоны и прочие телефонные аппараты для сотовых сетей связи или других беспроводных сетей связи; электрические аккумуляторы; двигатели и электрические генераторы²¹.

Значения экспорта по товарной группе № 87 достигли 78,5 млн долларов США²² суммарно, где выделяются две ключевые позиции: легковые автомобили и прочие моторные транспортные средства (части и принадлежности моторных транспортных средств²³).

Если представить процентное соотношение экспорта в Россию из Кыргызстана по первым десяти по объему товарным группам к общим значениям экспорта в Россию за 2023 г., то мы получим данные, представленные ниже (таблица).

Исходя из данной таблицы, следует сделать вывод, что критические для России товарные группы, такие как №№ 84, 85 и 87, представившие за 2023 г. наибольшие показатели по росту экспорта, составляют 38,54% от общего экспорта Кыргызской Республики в Российскую Федерацию. Также следует заметить, что реэкспорт в Россию представлен основным образом товарами технологической отрасли. Для Российской Федерации такое движение товаров представляет собой нивелирование негативных последствий санкционного давления, а для Кыргызской Республики – экономические возможности в транзите товаров, в том числе в условиях геополитической напряженности.

Перспективы развития торговых отношений между Россией и Кыргызстаном в условиях геополитической трансформации включают: углубление экономической интеграции и создание новых совместных предприятий; развитие инфраструктуры и транспортных коридоров для увеличения объемов торговли; расширение ассортимента товаров и услуг, предлагаемых на рынке. Аспекты стратегической культуры России и Кыргызстана, влияющие на их торговые отношения, включают: приоритет многополярного мира и необходимость обеспечения национальной безопасности; стремление к экономическому развитию и интеграции в мировую экономику; уважение к историческому наследию и культурным связям.

¹⁸ Группа 84 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/ett/ru.84_2022_10.10.2022.pdf.

¹⁹ Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation // Trade Map. URL: [https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c417%7c%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1](https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c417%7c%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1).

²⁰ Там же.

²¹ Группа 85 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/ett/ru.85_2022_17.11.2022.pdf.

²² Bilateral trade between Kyrgyzstan and Russian Federation // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

²³ Группа 87 // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/catr/ett/ru.87_2022_10.04.2022.pdf.

Таблица. Доля экспорта Кыргызстана в Россию по основным товарным группам за 2023 г.

Table. Kyrgyzstan's Exports Share to Russia by Main Commodity Groups in 2023

№ товарной группы	Название товарной группы	Доля (%) от общего экспорта
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	20,7
74	Медь и изделия из нее	10,86
87	Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, их части и принадлежности	10,51
85	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	7,33
08	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	6,72
61	Предметы одежды и принадлежности к одежде, трикотажные машинного или ручного вязания	5,07
64	Обувь, гетры и аналогичные изделия; их детали	4,94
62	Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	4,42
60	Трикотажные полотна машинного или ручного вязания	3,61
03	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	3,33

Источник: составлено автором на основе данных Trade Map²⁴

Source: compiled by the Authors based on Trade Map Data²⁴

Анализ особенностей стратегической культуры в торговых отношениях России и Кыргызстана показывает важность понимания специфики национальных подходов к формированию внешнеполитических курсов и экономическим интересам. Понимание глубинных факторов, формирующих позиции сторон, становится критичным условием для успешных переговоров и реализации долгосрочной стратегии экономического сотрудничества. Улучшение транспортных коридоров, привлечение частных инвестиций и стимулирование предпринимательства будут способствовать укреплению доверия и взаимопонимания между народами и обеспечат стабильное развитие торгового взаимодействия в будущем.

²⁴ Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.

Выводы

Использование концепта «стратегическая культура» в геополитическом прогнозировании и планировании позволяет лучше понять преемственность, лежащую в основе международных отношений, и мотивы действий государств и их объединений. Каждое государство выходит на международную арену со своим историческим багажом накопленного опыта, убеждений, культурных влияний и географических и ресурсных ограничений; все это влияет на его поведение. Преемственность во внешней политике государства поддерживается исторической тенденцией сохранять традиционные сферы влияния, что придает существенную временную протяженность анализу возможных действий правящих элит. Стратегическая культура позволяет интегрировать культурные соображения, совокупную историческую память и их влияние в анализ политики безопасности государств и международных отношений.

Стратегическая культура каждой страны уникальна, но при этом можно выделить общие тенденции и особенности, характерные для всего региона. Среди них – стремление к обеспечению безопасности и стабильности, важность роли внешних факторов в формировании внешнеполитических приоритетов, а также влияние исторического наследия и традиций на восприятие международных отношений.

Геополитическое положение стран Центральной Азии, расположенных на пересечении ключевых торговых маршрутов и граничащих с такими серьезными геополитическими игроками, как Россия, Китай, Иран, Афганистан, определяет их стратегические приоритеты. Особое значение приобретают вопросы обеспечения безопасности границ и балансирования между различными внешними акторами, что требует от государств региона разработки гибких и адаптивных стратегий внешней политики.

Страны Центральной Азии функционируют в условиях сложного взаимодействия с внешними акторами, включая международные организации, региональные блоки и глобальных игроков. Сотрудничество с ОДКБ, ШОС, ЕАЭС и другими международными структурами оказывает значительное влияние на формирование стратегических приоритетов и подходов к обеспечению безопасности. Важно также учитывать геополитическое влияние России, Китая и других стран, которые играют ключевую роль в формировании региональной динамики и определении векторов развития Центральной Азии.

Экономическое развитие и социальные трансформации оказывают существенное влияние на формирование стратегических культур. В частности, экономические интересы (такие как инфраструктурное развитие и привлечение иностранных инвестиций), демографические сдвиги, урбанизационные процессы и миграционные потоки создают новые вызовы в области национальной безопасности и внешней политики и влияют на определение стратегических приоритетов. Ключевую роль в формировании стратегических культур стран ЦА продолжают играть

национальные идентичности, религиозные верования и традиции. В ряде стран ЦА ислам представляет собой фундаментальный элемент идентичности, оказывая влияние на их внешнеполитическую стратегию и подходы к вопросам безопасности.

Дальнейшие исследования заявленных в данной статье проблем могут быть направлены на более детальный анализ влияния конкретных факторов на стратегическую культуру отдельных стран, а также на изучение изменений в стратегической культуре региона в условиях глобализации и меняющейся геополитической ситуации.

Список источников

1. Акаев А. История, прошедшая через мое сердце [The Story that Passed Through my Heart]. Москва, Бишкек, 2003. 286 с.
2. Гиланов М.М. Стратегические интересы России и Китая в Центральной Азии на современном этапе [Strategic Interests of Russia and China in Central Asia at the Present Stage] // Актуальные исследования. 2024. № 1(183). С. 41–44.
3. Джоробекова А.Э. Особенности национальных стратегий государств Центральной Азии в условиях формирования регионального геополитического пространства [Features of National Strategies of the Central Asian States in the Context of the Formation of Regional Geopolitical Space] // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1. № 3. С. 98–103.
4. Иброхимзода У.Х., Дмитриева М.О., Ризоён Ш.Ш. Саммит «Центральная Азия – Китай»: региональные аспекты и геополитические последствия [Central Asia-China Summit: Regional Aspects and Geopolitical Implications] // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 131–139. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/131-139>.
5. Искандаров К., Назаров У. О методологии исследования интеграционных процессов в Центральной Азии в третьей декаде XXI века [On the Methodology for Studying Integration Processes in Central Asia in the Third Decade of the XXI Century] // Постсоветские исследования. 2024. № 1(7). С. 40–49.
6. Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса [Uzbekistan on the Threshold of the XXI Century: Threats to Security, Conditions and Guarantees of Progress]. Москва: Издательский дом «Дрофа», 1997. 320 с.
7. Михалёв А.В., Рахимов К.К. Евразия с точки зрения Фуко [Eurasia in the Foucault Perspective] // Россия в глобальной политике. 2024. № 1. С. 98–111. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-98-111>.
8. Мирзиёева С.Ш. Анализ методологии регионального стратегирования в странах Центральной Азии [Methodology of Regional Strategising in Central Asia] // Стратегирование: теория и практика. 2022. Т. 2. № 3. С. 319–332. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-319-332>.
9. Назарбаев Н.А. В потоке истории [In the Flow of History]. Алматы: Атамұра, 1999. 292 с.
10. Ниязов С. Рухнама [Ruhnama]. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2002. 416 с.
11. Ожиганов Э.Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований [Strategic Culture: the Concept and the Directions of Research] // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 91–102.
12. Октябрьская И.В. Центральная Азия: историко-культурное наследие в структуре межнациональных отношений конца XX – начала XXI века [Central Asia: Historical and Cultural Heritage in the Structure of Interethnic Relations of the Late XX – Early XXI Century] // Society and Security Insights. 2023. Т. 6. № 3. С. 13–29. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2023\)3-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2023)3-01).
13. Рахмон Э. Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов. Книга первая [Tajiks in the Mirror of History. From Aryans to Samanids. Book One]. St.Helier, Jersey: London & Flint River ed., 2000. 244 p.
14. Садырова З.Т. Культура в Караханидском государстве [Culture in the Karakhanid State] // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. № 28. С. 124–130. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.17>.
15. Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы [Strategic Guidelines for the Development of Central Asia: History, Trends and Prospects]: сборник научных статей / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2021. 312 с.

16. Турсунова Р.Ю. Новейшая история: роль историко-культурного наследия в формировании идентификации государств Центральной Азии [Modern History: the Role of Historical and Cultural Heritage in the Formation of the Identification of the Central Asian States] // Ясауи университетінің хабаршысы. 2021. № 2(120). С. 222–236. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.605>.
17. Чернышов С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти Русского государства и Сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. [Turkic Political Traditions in the System of Power Organization in the Russian State and Siberian Khanate as the Factor of their Successful Integration in the XVI–XVII Centuries] // Идеи и идеалы. 2018. № 4(38). С. 139–159. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-4.2-139-159>.
18. Шангараев Р.Н., Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. Соперничество региональных и внерегиональных акторов в Центральной Азии в контексте концепции евразийства [The Rivalry of Regional and Non-Regional Actors in Central Asia in the Context of the Concept of Eurasianism] // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 75–82. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-75-82>. EDN: GVBGPB.

Информация об авторах

ДЖОРОБЕКОВА Айнура Эшимбековна. Доктор политических наук. Кандидат исторических наук. Профессор. Заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева. Директор Центра российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына. <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>. Адрес: Кыргызская Республика, 720040, г. Бишкек, бульвар Эркиндик, 36. donzhora1967@gmail.com

ИЗАТОВ Умеджон Хуршедович. Кандидат исторических наук. Доцент. Директор Технологического парка Кулябского государственного университета имени А.Рудаки. Адрес: Республика Таджикистан, 735360, Хатлонская обл., г. Куляб, ул. С.Сафарова, 16. izatov.u@mail.ru

КАНАТБЕКОВ Эдил Канатбекович. Кандидат политических наук. Старший преподаватель Факультета международных отношений Бишкекского государственного университета имени К.Карасаева. Адрес: Кыргызская Республика, 750065, г. Бишкек, проспект Чынгыза Айтматова, 27. kanatbekovich.edil@gmail.com

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. Директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

КОНОВ Михаил Дмитриевич. Лаборант-исследователь Лаборатории исследований современных Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН. <https://orcid.org/0009-0000-8927-4742>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12/1, стр. 1. konov_mihail@inbox.ru

РАХИМОВ Кубатбек Калыевич. PhD по экономике. Исполнительный директор Общественного фонда «Аппликата – центр стратегических решений». <https://orcid.org/0000-0003-3756-9375>. Адрес: Кыргызская Республика, г. Бишкек, 720001, ул. Исанова, 79-808. kubat.rakhimov@gmail.com

РИЗОЁН Шерали Шукруллозода. Кандидат политических наук. Независимый эксперт. Адрес: Республика Таджикистан, г. Душанбе. sherali.rizoyon@gmail.com

САВИН Игорь Сергеевич. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Лаборатории исследований современных Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН. <https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12/1, стр. 1. savigsa@gmail.com

ТУРСУНОВА Ранохон Юсупжановна. Доктор исторических наук. Доцент кафедры политологии Университета мировой экономики и дипломатии. Адрес: Республика Узбекистан, 100007, г. Ташкент, просп. Мустакиллик, 54, корп. А. turrena72@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8 мая 2024 г. Одобрена после рецензирования: 1 июля 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akaev A. The Story that Passed Through my Heart. Moscow. Bishkek, 2003:286 [In Russian].
2. Gilanov M.M. Strategic Interests of Russia and China in Central Asia at the Present Stage. Aktual'nye issledovaniya [Current Research]. 2024; 1(183):41–44 [In Russian].
3. Dzhorobekova A.E. Features of National Strategies of the Central Asian States in the Context of the Formation of Regional Geopolitical Space. Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo [International Relations and Society]. 2019; 1(3):98–103 [In Russian].
4. Ibrokhimzoda U.K., Dmitrieva M.O., Rizoyn Sh.Sh. Central Asia-China Summit: Regional aspects and geopolitical implications. Izvestiya Vostochnogo instituta [Oriental Institute Journal]. 2023; 4:131–139 [In Russian]. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-4/131-139>.
5. Iskandarov K., Nazarov U. On the Methodology for Studying Integration Processes in Central Asia in the Third Decade of the XXI Century. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2024; 1(7):40–49 [In Russian].
6. Karimov I. Uzbekistan on the Threshold of the XXI Century: Threats to Security, Conditions and Guarantees of Progress. Moscow: Izdatel'skiy dom «Drofa» [Publishing House «Drofa»], 1997:320 [In Russian].
7. Mikhalev A.V., Rakhimov K.K. Eurasia in the Foucault Perspective. Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]. 2024; 1:98–111 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-1-98-111>.
8. Mirziyoeva S.Sh. Methodology of Regional Strategising in Central Asia. Strategirovanie: teoriya i praktika [Strategizing: Theory and Practice]. 2022; 2(3):319–332 [In Russian]. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2022-2-3-319-332>.
9. Nazarbayev N.A. In the Flow of History. Almaty: Atamura [Atamura], 1999:292 [In Russian].
10. Niyazov S. Ruhnama. Ashgabat: Turkmenская gosudarstvennaya izdatel'skaya sluzhba [Turkmen State Publishing Service], 2002:416 [In Russian].
11. Ozhiganov E.N. Strategic Culture: the Concept and the Directions of Research. Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science]. 2012; 2:91–102 [In Russian].
12. Oktyabrskaya I.V. Central Asia: Historical and Cultural Heritage in the Structure of Interethnic Relations of the Late XX – Early XXI Century. Society and Security Insights. 2023; 6(3):13–29 [In Russian]. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2023\)3-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2023)3-01).
13. Rakhmon E. Tajiks in the Mirror of History. From Aryans to Samanids. Book One. St.Helier, Jersey: London & Flint River ed., 2000:244 [In Russian].
14. Sadyrova Z.T. Culture in the Karakhanid State. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Conservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. 2022; 28:124–130 [In Russian]. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.17>.
15. Strategic Guidelines for the Development of Central Asia: History, Trends and Prospects: Collection of Scientific Articles. Ekaterinburg, 2021:312 [In Russian].
16. Tursunova R.Ju. Modern History: the Role of Historical and Cultural Heritage in the Formation of the Identification of the Central Asian States. Yasau universitetiniń habarshysy [Bulletin of yassawi University]. 2021; 2(120):222–236 [In Russian]. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi2.605>.
17. Chernyshov S. Turkic Political Traditions in the System of Power Organization in the Russian State and Siberian Khanate as the Factor of their Successful Integration in the XVI–XVII Centuries. Idei i idealy [Ideas and Ideals]. 2018; 4(38):139–159 [In Russian]. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-4.2-139-159>.

18. Shangaraev R.N., Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. The Rivalry of Regional and Non-Regional Actors in Central Asia in the Context of the Concept of Eurasianism. *Social'no-politicheskie nauki [Sociopolitical Sciences]*. 2024; 14(2):75–82 (In Rus.). <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-75-82>. EDN: GVBGPB.

About the authors

Ainur E. DZHOROBEKOVA. DSc. (Polit.). CandSc. (Hist.). Professor. Head of the Department of International Relations and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K.Dikambaev. Director of the Center for Russian Studies of the Kyrgyz National University named after Zh.Balasagyn. <https://orcid.org/0000-0003-4370-0149>. Address: 36, Erkindik Bulevard, Bishkek, 720040, Kyrgyz Republic. donzhora1967@gmail.com

Umedjon Kh. IZATOV. CandSc. (Hist.). Associate Professor. Director of the Technological Park of Kulyab State University named after A.Rudaki. Address: 16, S.Safarova str., Kulyab, Khatlon region, 735360, Republic of Tajikistan. izatov.u@mail.ru

Edil K. KANATBEKOV. CandSc. (Polit.). Senior Lecturer at the Faculty of International Relations of Bishkek State University named after K.Karasaev. Address: 27, Chyngyz Aitmatov Avenue, Bishkek, 750065, Kyrgyz Republic. kanatbekovich.edil@gmail.com

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Research, National Research Institute for the Communications Development. Director of the Center for International Strategic Studies at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Mikhail D. KONOV. Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of Modern Central Asia and Caucasus Studies at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0009-0000-8927-4742>. Address: building 1, 12/1, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. konov_mihail@inbox.ru

Kubatbek K. RAKHIMOV. PhD in Economics. Executive Director of the Public Foundation "Applicata – Center for Strategic Solutions". <https://orcid.org/0000-0003-3756-9375>. Address: 79-808 Isanova str., Bishkek, 720001, Kyrgyz Republic. kubat.rakhimov@gmail.com

Sherali Sh. RIZOYON. CandSc. (Polit.). Independent Expert. <https://orcid.org/0000-0002-8910-1240>. Address: Dushanbe, Republic of Tajikistan. sherali.rizoyon@gmail.com

Igor S. SAVIN. CandSc. (Hist.). Senior Researcher of the Centre for Research of Central Asia, Caucasus and Ural-Volga Region at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-6812-7014>. Address: building 1, 12/1, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. savigsa@gmail.com

Ranoxon Yu. TURSUNOVA. DSc. (Hist.). Associate Professor of the Department of Political Science at the University of World Economy and Diplomacy. Address: 54, building A, prospekt Mustakillik, Tashkent, 100007, Republic of Uzbekistan. turrena72@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: May 8, 2025. Approved after review: July 1, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.